

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO XXII

Buenos Aires, 27 de octubre de 1970

Буэнос Айрес, вторник 27 октября 1970 года № 1079

МЫСЛЯЩАЯ ГИЛЬОТИНА

(ЛЕНИН И ГУМАНИЗМ)

В связи с столетним юбилеем Ленина в коммунистической печати разных стран появились многочисленные хвалебные оценки деятельности и личности создателя коммунистического государства. Эти восхваления Ленина в прозе, в поэзии, в искусстве напоминают своим стилем панегирики прошлых веков, которые составляли писатели в угоду высокопоставленным лицам. Авторы панегириков нередко приписывали прославленному персону такие заслуги и качества, которых они не имели.

В хвалебных отзывах о Ленине — в речах, статьях, воспоминаниях, опубликованных по поводу его столетия в СССР и за его пределами, повторяются также рассуждения о гуманных идеях Ленина, о его человеколюбии. Не удивительно, если о «гуманности» Ленина говорят и пишут коммунисты и попутчики коммунистического движения. Однако приходится констатировать, что влияние коммунистической пропаганды и давление правительства советской империи проявились и в сферах не коммунистических. Так, например, советская печать с большим удовлетворением цитирует послание генерального секретаря ООН У Тана, адресованное участникам международного симпозиума в Тампере (Финляндия). Этот симпозиум состоялся под эгидой ЮНЕСКО 6-10 апреля 1970 года в связи со столетием Ленина. В «Известиях» сказано, что У Тан в своем послании говорит о Ленине

«...как о «выдающемся ученом и гуманисте» и цитирует решение комиссии ООН по правам человека, которая отметила «историческое влияние его гуманистических идей и деятельности на развитие и осуществле-

ние экономических, социальных и культурных прав» (19.4.1970).

Люди, занимающиеся политической практикой, не имеют времени на изучение исторических фактов (Ленин уже принадлежит истории). Поэтому является необходимым в интересах исторической правды выяснить вопрос: соответствуют ли взгляды и деятельность Ленина принципам гуманности, правилам бережного отношения к человеческой жизни?

Этот вопрос проще решить, анализируя отношение Ленина к проблеме, резко противоречащей принципам гуманности — к террору. Для людей, знакомых с сочинениями и деятельностью Ленина, не будет неожиданностью, что Ленин был фанатическим защитником и организатором террора, что он отрицал свободу и права человека, независимый суд и справедливость. Ленин считал, что его партия должна физически уничтожать противников и принуждать подчиненное население к повиновению террором, массовыми убийствами.

В сочинениях Ленина проблема террора занимает весьма значительное место. Как известно, к концу XIX века среди революционной интеллигенции России проявилось разочарование в применении индивидуального террора, который вела партия Народной воли в отношении представителей царской администрации. Известно также, что старший брат Ленина, Александр Ульянов, был казнен за участие в подготовке покушения на жизнь императора Александра III.

Ленин в принципе не отрицал индивидуального террора, он только считал его средством непрактичным, так как опыт показал, что индивидуальным террором

К представителям, подписчикам и друзьям!

“Наша Страна” переживает очередной, на этот раз чрезвычайный тяжелый, финансовый кризис. С 1-го октября с. г. типография повысила тариф на 10%. Кроме того, ожидается новое значительное вздорожание типографских работ с 1-го января 1971 года. Повышение типографских расходов совпало в этом году с периодом очень скудного притока пожертвований в Фонд Издательства. Это и вызвало очередной дефицит.

Поэтому Редакция вынуждена обратиться к представителям и подписчикам с просьбой неотлагательно рассчитаться за газету.

Редакция также просит всех подписчиков, могущих внести подписную плату на полгода или на год вперед — сделать это незамедлительно. На последней странице сегодняшнего выпуска “Нашей Страны” помещены цены отдельного номера газеты. Врусь чеки и Money Order следует посылать на адрес Редакции (а не почтового отделения):

TATIANA KIREW DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dep. 10, Buenos Aires 30, Argentina

Редакция призывает друзей “Нашей Страны” не только аккуратно вносить подписную плату, но и по мере сил жертвовать в Фонд Издательства. Особенно в такие тяжелые моменты, как теперешний.

Речь идет о бытии или небытии “Нашей Страны”. От Вас, наших единомышленников и друзей зависит: будет ли она дальше выходить или прекратится.

ТАТЬЯНА ДУБРОВСКАЯ

не удалось свергнуть самодержавие в России. В газете «Искра» № 4 за май 1901 года Ленин писал о своем отношении к террору:

«Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при из-

вестном состоянии войска и при известных условиях» (Сочинения, изд. 4-е, т. 5, 1951, стр. 7).

Еще раньше, в 1899 г., Ленин отрицал индивидуальный террор как негодное средство в обстоятельствах того времени. Он считал, однако, что террор может оказаться полезным в изменившейся ситуации:

«По нашему личному мнению тер-

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

ЕЩЕ О СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЕ *)

Лично я не встречал человека, который не жаловался бы на цензуру, я имею в виду человека творческого, не встречал ни одного писателя, который был бы доволен существующим положением. Я сюда включаю даже самых ортодоксальных, реакционных, глупых, бездарных. Все жалуется. Вот что интересно. Даже, казалось бы, такие уж распродавшиеся, как Кочетов, и тот жаловался мне. Мне лично! И тот был недоволен. Правда, он был недоволен с другой стороны. Ему срезают уж слишком явный антисемитизм или что-нибудь такое. Ведь если бы Кочетову дали волю, он бы такое развел... Впрочем, я согласен. Дайте ему волю, но с условием, чтобы всем дали волю.

Есть и еще одна сторона этого вопроса. Для многих это очень удобная форма скрывать свою творческую импотенцию. Он издал какую-то книжку, бездарную, поганую, а сам ходит и намекает, что это ему цензура испортила. И так многие поддерживают иллюзию, что они очень талантливы. А когда его копнешь,

то оказывается, что никто ему ничего не портил. Он больше всего сам себе портил.

Но вернемся к цензуре. Вот несколько примеров.

В «Новом мире» я опубликовал роман «У себя дома». Когда я его принес, Твардовский вызвал меня на следующий день: «Скорей, скорей приезжайте! Вас вызывают!» Я приезжаю, и он мне с восторгом трясет руку и кричит, что он всю ночь напролет читал, ночь не спал, ожидает, что после будет следующее ударное произведение и т. д. Он согласен, только давайте вот тут усилием и прочее. И, пользуясь своим знанием деревни, он мне кнут предлагает назвать батогом, а о навозе написать, что он пахнет хорошо, а то у меня почему-то пахнет плохо. И все это так мило. Собрались все главные лица, и передают Герасимову для конкретной подготовки, только для улучшения. Я счастлив. Я на седьмом небе и летаю на крыльях.

Затем Герасимов мне говорит: «Но вот какое дело. Начинается роман сценарий столкновения поездов на железной дороге. Катастрофа. Катастрофу цензура не пропускает даже в художественном произведении. Нельзя. Это придется убрать». Мне очень жаль, это было такое динамическое начало, но я потихоньку соглашаюсь. И так, первую главу, такую яркую, придется убрать, но все остальное останется. Отлично. Но нет, надо еще кое-что выбросить. В церкви бри-

гадир совхозного отделения, напившись пьяным, кричит, что вокруг одни носы по ветру, как флюгеры, поворачиваются. И он всю жизнь жил как нос. То, что одни носы, и что СССР полон носов, это, конечно, убрать надо, говорит Герасимов. Ладно, говорю, уберем, потом когда-нибудь опубликуем. Но больше ничего. Хорошо.

Затем я уезжаю в Тулу, и начинаются звонки Герасимову. Примерно через день звонок. Я уже возле телефона держал рукопись: откройте страницу такую-то, вот это мы выбросим. Зачем? Почему? Нельзя! Они не пропустят! Потом опять: вот это мы выбросим. И как начали выбрасывать, как начали, это длилось недели две или три, не знаю. Это был какой-то кошмар. Как звонок, я вздрагиваю и бегу. Но я доверяю «Новому миру», если «Новый мир» говорит, что нельзя, значит нельзя.

И вот на протяжении этого месяца обработки оказалось, что от романа останется ровно половина. Половина! При чем убирается лучшее, главное, центральное, ради чего я его написал.

Это был очень странный роман, как у Гофмана, скажем, «Кот Мур», перепутаны страницы, то кот пишет, то музыкант пишет. Так вот, говоря образно, мне всего «музыканта» выбросили, а «кота» оставили. Роман был о сельском хозяйстве, о доярке, которая от каждой фуражной коровы надоила по 4000 литров молока. И даже вымпел и часы получила. Но это было только для формы. Это была ироническая сторона. А там шла другая, главная, фундаментальная. Вот все это главное шаг за шагом вылетало, вылетало, вылетало. И вдруг

я с ужасом увидел, что из романа получился еще один обыкновенный роман на сельскохозяйственные темы. Причем ужасно банальный. Потому что я издевался над банальным построением, а это издевательство превратилось в полную серьезность.

И это делает со мной «Новый мир»! Я прихожу в ужас и говорю: «Так стойте, тогда не будем печатать». А они говорят: «Да и в самом деле не будем печатать, такая ситуация, что даже в таком виде нельзя». Так он и застрял, и лежал там год. Сначала восторгались, потом испортили, изрезали, и все равно нельзя печатать.

Я тогда говорю: «Понесу куда-нибудь в другое место». Они отвечают: «Неси, мы не можем печатать». Беру я эту рукопись и несу в «Юность». В «Юности» они мне сразу честно говорят: «Ну, Толя, то, что «Новый мир» тебе второй план выбросил, это правильно. Об этом даже не может быть и речи. Но вот деревня у тебя страшна, ее нужно лакировать. Садись и лакируй. Тогда будем печатать». Я забираю и несу в их антипод, в журнал «Молодая гвардия», причем делаю такой ход: говорю, что вот «Юность» отвергла. Для них это очень (Продолжение на 3-й стр.)

Нам нужно “колыхать” монархическую активность наших единомышленников.

Иван СОЛОНЕВИЧ

*) На посвященном советской цензуре симпозиуме после докладов происходила дискуссия по этим докладом. Мы публикуем отрывок из дискуссионных выступлений бывшего подсоветского писателя Анатолия Кузнецова, покинувшего СССР и ставшего невозвращенцем всего лишь год назад. В записях сохранен стиль устной речи.

Российская Колония в Аргентине, Союз Российских Антисоциалистов, Русский Обще-Воинский Союз, Общество Галлиполицев, Российское Общественное Соединение, Российское Народно-Монархическое Движение приглашают 1-го ноября с. г. в 16 часов всех русских людей на

ДЕНЬ НЕПРИМИМОСТИ

который устраивается по благословению Его Высокопреосвященства Архиепископа ЛЕОНТИЯ Буэнос-Айресского и Аргентино-Чилийского в зале «Русского Собрания»:

Calle F. Roosevelt 4139, Planta Baja, Dep. C — Capital

рор является в настоящее время целесообразным средством борьбы, что партия (как партия) должна отвергнуть его (впредь до изменения условий, которое могло бы вызвать и перемену тактики)» (Сочинения, изд. 4-е, т. 4, 1946, стр. 218).

Этому убеждению Ленин остался верен до конца своей жизни. Последовательно он подчеркивал «целесообразность» массового террора, но террор индивидуальный отрицал. После покушения австрийского социалиста Фридриха Адлера на премьера графа Штюкара Ленин писал в Вестнику Францу Коричонеру 25.10.1916 г.:

«Мы вовсе не против политического убийства... но в качестве революционной тактики индивидуальные покушения нецелесообразны и вредны» (Сочинения, изд. 4-е, т. 35, 1952, стр. 191).

Наряду с этим Ленин часто подчеркивал «целесообразность» массового террора. В 1908 году он писал о «настоящем, всенародном, действительно обновляющем страну терроре, которым прославил себя Великая французская революция» (Сочинения, изд. 4-е, т. 13, 1952, стр. 435).

О «всенародном терроре» Ленин мечтал в сентябре 1917 года, накануне захвата власти партией большевиков. Он предполагал предать смертной казни целые социальные группы «эксплуататоров»:

«Без смертной казни по отношению к эксплуататорам (т. е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни на есть революционное правительство» (Сочинения, изд. 4-е, том 25, 1952, стр. 316).

Эти намерения Ленин принялся осуществлять с первых дней после октябрьского переворота 1917 года. Овладев властью в Петрограде, Ленин поучал членов коммунистической партии, что «революционер... не может отказаться от смертной казни» (Сочинения, изд. 4-е, т. 27, 1950, стр. 478). Коммунистам, колебавшимся применять террор, Ленин объяснял значение «диктатуры пролетариата» (т. е. диктатуры его партии): «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная...» (там же, стр. 235).

Многие деятели коммунистической партии, «старые большевики», даже члены первого правительства, составленного под председательством Ленина 7 ноября 1917 года, не соглашались с методами террора, выдвигаемого Лениным. 10 членов первого коммунистического правительства протестовали против разгрома партийного террора, который Ленин считал необходимым, и ушли в отставку. Эти «народные комиссары» предлагали Ленину составить правительство с участием всех социалистических партий. В заявлении своем 10 большевистских министров писали:

«Мы полагаем, что вне этого (коалиционного правительства) есть только один путь, сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора... Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны» (Л. Троцкий, «1917», т. II, стр. 355, 1924, Москва).

Одновременно с этим протестовал в своем письме в большевистскую фракцию ЦИК Советов известный деятель коммунистической партии А. С. Лозовский. Он указывал на уничтожение прессы инакомыслящих, на произвольные обыски, аресты, гонения, и преследования, протестовал против созданного Лениным «режима штыка и сабли». Лозовский отказывался

«...нести моральную или политическую ответственность, когда ответственные руководители большевистской фракции делали заявления о том, что за одного нашего мы убьем пять противников» (там же, стр. 358). Протесты выдающихся деятелей ком-

мунистической партии против насилий и массовых убийств не оказали влияния на Ленина, убежденного сторонника террора. По его инициативе в декабре 1917 г. была организована «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем». Во главе комиссии был поставлен фанатик террора Ф. Дзержинский. В руководстве террором Ленин назначал людей жестоких, безжалостных, лишенных гуманных чувств и каких-либо угрызений совести.

Против кровавого режима, созданного Лениным, горячо протестовал известный писатель Максим Горький. Он до падения самодержавия в России стоял близко к партии большевиков и находился лично в дружеских отношениях с Лениным. В своей газете «Новая жизнь», которая выходила в Петрограде в 1917-18 годах, Горький обличал бесчеловечное отношение Ленина к страданиям миллионов людей под диктатурой коммунистической партии, протестовал против подавления свободы и кровавых преступлений большевистского режима. Горький, близко знавший характер Ленина и цели его политики, писал о главе советского правительства:

«Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть, что из этого выйдет. Рабочие не должны позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат» («Новая жизнь», 7 (20) ноября 1917 г.).

Писатель обвинял Ленина в бесчеловечном отношении к голодающим и терпящим всякого рода лишения и страдания, которым подвергались народные массы под режимом диктатуры. Он писал, что Ленин «обладает свойствами "вождя", а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс. Горький, обращаясь к рабочему классу России, писал:

«Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта, в глазах твоих вождей ты все еще не человек!» (там же, 10 (23) декабря 1917 г.).

Чтобы избавиться от неприятной критики, Ленин приказал летом 1918 г. закрыть газету Горького. Он строго порицал коммунистов, которые не решались применять массовый террор. Например после убийства коммунистического деятеля Володарского членом партии социалистов-революционеров в Петрограде (июнь 1918 г.) Ленин был чрезвычайно возмущен тем, что руководители Петроградского Совета, во главе с Зиновьевым, не применили массовые репрессии против действительных или предполагаемых врагов большевистского режима. 24 июня 1918 г. Ленин писал Зиновьеву по этому поводу:

«Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели отвести на убийство Володарского массовым террором, и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты и лекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-возмож-но! Надо поощрять энергию и массовидность террора» (Сочинения, изд. 4-е, т. 35, 1952, стр. 275).

Через некоторое время, 9 августа 1918 года, Ленин послал наказ Нижегородскому Совдепу: «Навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.» (Сочинения, изд. 4-е, т. 35, 1952, стр. 286).

Ленин неустанно напоминал коммунистам о необходимости массового террора, убеждал их в речах, в статьях и письмах, что следует держаться правила: «Кто не с нами, тот против нас».

Всех противников коммунистической диктатуры Ленин демагогически определял как «эксплуататоров», «слуг капитализма». В ноябре 1918 г. он вновь доказывал своим партийцам «целесообразность» террора:

«Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению к помещикам и капиталистам с их прихвостнями».

В категорию «прихвостней» капитализма и «ренегатов социализма» Ленин зачислял всех социалистов, которые отрицательно относились к режиму террора, созданному большевиками. Особое возмущение вызвала у Ленина критика его режима террора, которую дал известный немецкий теоретик марксизма Карл Каутский в своей книге, изданной в 1919 году, «Терроризм и коммунизм». В брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин пытался опровергнуть доводы Каутского против террора и не стеснялся в самых резких выражениях по адресу критика большевистского режима.

Ленин положил в основу своей политики принцип террора. Неудивительно поэтому, что Ленин восхищался личностью и приемами такой мрачной фигуры, как С. Г. Нечаев, который был некоторое время близким сотрудником анархиста Михаила Бакунина. О Нечаеве, стороннике беспощадного террора, человеке неразборчивом в средствах для достижения своих целей, Ленин высказывался с большим уважением. Говоря о Нечаеве, он подчеркивал:

«Достаточно припомнить его слова в одном его воззвании, где он отвечает на вопрос: кого из членов царствующего дома необходимо убить».

Он дал точный ответ: «весь царствующий дом». Согласно указаниям Ленина, который следовал советам Нечаева, произошла кровавая расправа над императором Николаем II и Его Семьей в Екатеринбурге 17 июля 1918 г.

Идею террора, как средства политики, Ленин усвоил твердо и пользовался террором для укрепления режима диктатуры. После захвата власти в 1917 г. Ленин отвечал противникам террора:

«В 1917 г., во время керенщины, я писал в «Правде», что ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется» (Сочинения, изд. 4-е, т. 30, 1952, стр. 9).

Смертную казнь Ленин применял в массовых размерах, без всякого судебного разбирательства. Он называл эти убийства «всенародным террором», хотя хорошо знал, что в действительности ор-

Русско-Аргентинским Антисоциалистическим Институтом Культуры взамен обычной годичной брошюры выпущено новое и расширенное издание «КРАТКАЯ СПРАВКА ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ». Желающие получить ее, могут писать на Casilla de Correo Central 5623, приложив марку в 50,— песо.

ганизаторами и исполнителями кровавых расправ были большевики.

И не только членов своей большевистской партии побуждал Ленин к массовым убийствам. Массовый террор он рекомендовал также коммунистическим партиям других стран. Когда в Венгрии весной 1919 года была провозглашена советская республика, то Ленин советовал венгерским коммунистам действовать средствами террора в их стране. В «Привете венгерским коммунистам» от 2 мая 1919 г. он, в частности, указывал на необходимость устрашения и физического уничтожения венгерских социалистов, которые критически относились к методам правления коммунистов. Ленин писал в своем приветствии:

«Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата... подавляйте колебания беспощадно» (Сочинения, изд. 4-е, т. 29, 1950, стр. 361).

О фанатизме Ленина, о его безжалостном отношении к человеческой жизни Максим Горький упомянул в своей статье, напечатанной в 1920 году.

«Повидимому, он почти совершенно не заинтересован в индивидуальной человеческой личности, он думает только о партиях, массах, государствах... Один француз спросил меня: не находите ли вы, что Ленин — «это мыслящая гильотина» («Коммунистический Интернационал» 12, 1920, Москва).

Ленин мечтал о мировой революции, о диктатуре коммунистов на всем земном шаре, о создании всемирного коммунистического общества. В случае успеха этого плана, террористический режим получил бы распространение на всех континентах нашей планеты. Ленин пророчествовал, что во всех странах мира без террора обойтись нельзя (Сочинения, изд. 4-е, т. 33, 1950, стр. 335).

Режим массовых убийств, введенный Лениным после захвата власти в России, вызвал критику и протесты в рядах социалистических партий разных стран. Отрицательное отношение к режиму Ленина проявилось и в тех партиях, которые вначале сочувствовали было большевистскому перевороту. В ответе на письмо независимой социал-демократической партии Германии, которая отрицала террор, в марте 1920 г. Ленин писал:

«То отношение к террору, которое проявляют на деле в парламентских речах, в газетных статьях, во всей агитации и пропаганде немецкие независимцы и французские лонгетисты*),... есть фактический переход на позицию мелкобуржуазной демократии» (Сочинения, изд. 4-е, т. 30, 1952, стр. 346).

В связи с этим следует отметить оценку, данную Ф. Энгельсом режиму террора времен Великой французской революции, которым так восхищался Ленин, ставя его в образец своим товарищам. О терроре Энгельс писал, что под этим словом понимают

«господство людей, которые внушают страх: наоборот, это господство людей, которые сами испуганы. Террор — это в большинстве случаев бесполезные жестокости, совершаемые для своего самоуспокоения людьми, которые сами боятся. Я убежден, что вина за террористический режим 1793 года падает почти исключительно на перепуганного, позирующего как патриот буржуа, на мелкого замарашку мешинина и на оборванцев, которые на терроре зарабатывают» (Маркс-Энгельс, Верке, Берлин, т. 33, стр. 53, 1966 г.).

Ленин проявлял фанатическую нетерпимость в отношении всякой критики его взглядов и режима партийной диктатуры. Критикам он угрожал физическим уничтожением. Например, когда фракция социал-демократов-меньшевиков на VII всероссийском съезде советов в декабре 1919 года огласила свою де-

*) Лонгетисты — сторонники Жана Лонгэ, деятеля французской социалистической партии. Лонгэ был внуком Карла Маркса.

† 24-го октября 1970 года в Буэнос Айресе скончался
ПОЛКОВНИК

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ КОНДЫРЕВ,

о чем сообщают родственники покойного.

Погребение состоялось на кладбище San Martin.
В 9-й день, 1-го ноября, в церкви Св. Владимира (San Martin 344, Villa Ballester) после Божественной литургии будет отслужена ПАНИХИДА.

† В понедельник 2-го ноября с. г. в Обители Всех Святых в Земле Российской просиявших (Castelar) в верхнем храме будет совершена

ЗАУПОКОЙНАЯ ЛИТУРГИЯ,

после которой в нижнем храме-усыпальнице будет отслужена

ОБЩАЯ ПАНИХИДА.

Лиц, чьих родственников или близких останки находятся в усыпальнице, просят посетить богослужения для общей молитвы.

Настоятельница монахиня КСЕНИЯ

кларацию с требованием установления в России демократического строя, Ленин дал ответ: «Когда мы слышим такие декларации... мы говорим себе: «Нет, и террор и ЧК — вещь абсолютно неодолимая» (Сочинения, изд. 4-е, т. 30, 1952, стр. 211).

Террор применял Ленин не только для устрашения и уничтожения политических противников. Он требовал расстрела на месте, без суда, также рабочих, уличенных, например, в лености (Сочинения, изд. 3-е, т. XXII, 1929, стр. 167).

Организатор террора Ленин, однако, нередко заявлял, что массовый террор под его властью возник под влиянием угроз со стороны иностранных государств:

«Нам террор был навязан. Забывают о том, что терроризм был вызван нашествием всемирно-могущественной Антанты» (Сочинения, изд. 4-е, т. 30, 1952, стр. 20).

Но террор в России начался немедленно после захвата власти большевиками 7-го ноября 1917 г. Армии «всемирно-могущественной Антанты» находились до начала ноября 1918 г. в тяжелой войне с Центральными державами и не были в состоянии предпринять военные действия против правительства Ленина. Большевицкому режиму в России не угрожала опасность из Берлина и Вены, так как правительства Германии и Австро-Венгрии были заинтересованы в существовании правительства Ленина, подписавшего мирный договор в Брест-Литовске в марте 1918 года. Заявления Ленина, будто бы его правительство вступило на путь террора против своей воли, так сказать, «по принуждению», противоречит вся его идеология и теоретическое обоснование террора как средства политики. И по окончании гражданской войны, после укрепления коммунистического режима, Ленин считал необходимым «узаконить» террор в советском государстве на неограниченный период времени. В письме Д. И. Курскому, комиссару юстиции, Ленин писал 17 мая 1922 г. следующее:

«Открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость... Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, без фальши и без прикрас» (Сочинения, изд. 4-е, т. 3, 1950, стр. 321).

Приведенные мысли и действия Ленина, «узаконившего» террор под диктатурой коммунистов, никоим образом не могут свидетельствовать о человеколюбии основателя коммунистического движения. Вожди КПСС, пришедшие к власти после смерти Ленина, оказались верными его учению о необходимости террора. Тем не менее, вопреки общеизвестным фактам, пропаганда КПСС неустанно твердит о гуманности Ленина. ●

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

ЕЩЕ О СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЕ

(Начало на 1-й стр.)

серьезный аргумент, чтоб внимательно прочесть. И надо отдать им должное, они прочитали внимательно, в коридоре пожали мне руку, сказали: «Ну, получили огромное удовольствие. Читается заповое. Но ты, конечно, не дурак, понимаешь, что печатать этого никто не будет». И вернули. Даже без рецензии. Спасибо — честно!

И тогда мне добрые люди говорят: «Пойди-ка ты к Кочетову. Бывают же парадоксы. Только скажи, что отверг "Новый мир"». Пошел я к Кочетову, и он очень долго читал. А потом все-таки позвонил: приезжайте. Холодным тоном. Я уже знаю, что не прошел фокус. Он говорит: «Я не знаю, чего они там бояться. Что Твардовскому не понравилось? Я считаю, все нормально, идейно, правильно. Вы говорите, что смело? Какое смело! Я сам куда более смелые вещи пишу. Все правильно. Но у нас, конечно, тоже не пойдет. Я просто удивляюсь, почему у вас такой провал. Это же бездарно. Вы автор того-то, сего-то, и написали такую бездарную книжку. Простите меня, но я вам, как друг, честно в глаза скажу правду».

И от него я ушел, забравши эту рукопись под мышку. Она очень долго лежала, а потом звонит Герасимов: «Ну так вот, если мы выбросим еще такую и такую главу, так есть возможность напечатать». А тут вступает другой фактор, — фактор денежный. Я всегда сидел с долгами на шее, с этими авансами, и вот встает вопрос: либо возвращай аванс, либо давай напечатать. Я говорю: «Давайте напечатать, только я серьезно прошу, замените мою фамилию, поставьте А. Ковалев». Они сначала заартачились, им имя тоже важно, но потом согласились. Ставят А. Ковалев, так пусть идет макулатура, чтоб погасить долги. Потом приносят мне гранки: там напечатано «А. Кузнецов». Обычно я печатался «Анатолий Кузнецов», полным именем, так как был еще Андрей Кузнецов. Так вот они говорят: «Мы вам на уступку идем: А. Кузнецов. Неизвестно какой. Их много».

Еще один пример. Возьмем все тот же надоевший «Бабий Яр». Принес я в «Юность» и первым цензором была Мария Лазаревна Озерова, жена критика Озерова, фигуры одиозной. Она в разговоре с вами покажется чрезвычайно милым, прогрессивным и абсолютно все понимающим человеком. Она делает предварительную цензуру, такую мягкую еще. Совершенно уверенно указывает мне на некоторые места. Ну, вместе с ней мы думаем, горюем, и так сказать, горюя, их вычеркиваем, или же переделываем.

Затем все это идет в высшие инстанции, начинают читать уже боссы журналов, читает Полевой, читает его заме-

ДЕНЬ НЕПРИМИМОСТИ

В воскресенье 15-го ноября 1970 года в Центре Русских Белых (Карлос Кальво 2851)

БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ

при участии аргентинцев — друзей Национальной России. Центр Русских Белых приглашает русских людей посетить Собрание и этим присоединиться к протесту против антинародной и безбожной коммунистической партии, насильно захватившей власть в России.

Начало в 17 часов. Вход свободный.

стиль Преображенский, читает ответственный секретарь Железнов, а также кто-нибудь из редколлегии. Обычно читает Прилежаева. Это страшно, когда она читает. Это ужасная женщина! Ничего не понимает, но рассуждает очень здорово. Того, что мы с Озеровой вычеркнули, они уже больше не читают. Получается очень интересная многоступенчатость. А я уже на первой ступеньке понервничал, что скрепя сердце согласился: ну ладно, пожертвовать тем и другим. Теперь, на второй ступеньке, идут более решительные хирургические вмешательства. Борис Полевой сразу целые страницы зеленым карандашом перечеркивает. И сбоку пишет «МЗ» или «22». Это его юмор. 22 — перебор в игре в очко, значит, все это перебор, далеко заехали вы в своих либеральных взглядах. А «МЗ», простите, по его терминологии «младозасранец»! Как «младогельянец», что ли. Вот это «МЗ» мне снится по ночам до сих пор. Сейчас, восстанавливая текст «Бабьего Яра», я с огромным удовольствием вспоминаю — о, и тут «МЗ» стояло! И тут «МЗ» стояло! И я все эти «МЗ» восстанавливаю.

И опять-таки начинают убеждать, что нам этого не пропустят. Нет, нет! Толя! Толя! Нельзя! Нельзя! А то вся вещь будет зарезана!

И вот уж тут я дохожу до истерики. Ни один мой роман не выходил без этого состояния, когда я доходил до какой-то белой горячки, спорил, доказывал, отстаивал каждую фразу.

Вот у меня немцы въезжают; у них кони с такими золотыми гривами, огромные мохнатые ноги. Они показались бы гигантами рядом с нашими русскими лошаденками, на которых отступала красная армия. Стоп! Почему немецкие кони лучше советских? Правда, у меня в конце романа есть фраза, что отступали немцы на дохлых русских лошаденках, и не было ни одного тяжеловоза. Вероятно, все переходило в России. Я говорю: есть у меня нейтрализация этого. А они на это говорят: читатель забудет про это, пока дочитает до конца, а то, что у немцев кони были лучше наших, это он запомнит. Так вот на этом я уже дошел до истерики. Я уж не говорю о более серьезных вещах. Потому что о серьезных вещах можно как-то теоретизировать, а тут уж не знаешь что сказать. И вот, когда синклит этих богов сидел в кабинете и мне все шаг за шагом: «Нужно вычеркнуть, вычеркнуть!» тут я завопил и сказал: «Давайте мне рукопись. Я не желаю этого печатать. Пусть лежит в столе, где угодно! Я не буду печатать с такими сумасшедшими исправлениями!» А они говорят: «Нет! И рукопись вам не отдадим и печатать будем». Я кричу: «Это моя рукопись. Я не желаю печатать. Все. Я расторгаю с вами отношения!» Они говорят: «Нет не расторгнете. Нет, все-таки сделаете, как мы хотим». Это так цинично было. Такая жуткая сцена. Меня просто всего колотило. Я кинулся к столу и стал выхватывать рукопись. Они держали, она стала распадаться. Все-таки я выхватил, выбежал на улицу, как сумасшедший бежал по улице Воровского, рвал в клочки и во все урны закидывал до самого Арбата. Все урны забил, чтоб ее нельзя было собрать по клочкам. И затем десять раз себя проклинал, зачем я в эту литературу пошел.

А потом оказалось, что это был один экземпляр, а второй остался. Я не знал, уехал, думал, что все благополучно, «Бабьего Яра» не будет, я и слов этих слышать не хотел. А потом они мне звонят и говорят: «Ну, так мы все это проделали за вас. И вы знаете, хорошее положительное пришло мнение оттуда». А «оттуда» — это значит из ЦК.

Эту рукопись они уже сами сделали, перепечатали без всего, что было отвергнуто. И тут начинается следующий этап. Тут я уж молчу, сдался им внутренне; или не сдался, но опустил руки и стою, значит сдался. Я уже успокоился. Только тупо смотрю, что же происходит дальше. А они мне лишь показывают, что они вычеркивают. Нет, мне не надо самому работать. Не расстраивай, мол, себе нервы. Они сами все это проделают. Еще раз переписывает машинистка, не за мой счет, за счет редакции, я ничего не знаю. И получается еще более кургузый текст. Уж такой странный, все наоборот, все вверх ногами. Там, где я пишу, что Лавру взорвали энкаведисты, то там Лавру взорвали немцы! Там, где я рассказываю, как человек чудом спасся из Яра, и его опять предали местные жители, выходит, что не местные жители, а немцы его все-таки схватили. И так далее. Все наоборот.

И после этого, наконец, наступает формальный акт, когда они несут рукопись цензуре.

И на этом последнем этапе я уже совершенно распластаный. Я уже сдавшийся. Я лежу на лопатках и думаю: «Боже мой, ну ладно, все пропало, но вот этот кусочек еще остался. Он еще пойдет. Он был мне дорог, как-нибудь он пройдет. И вдруг мне говорят: «Вот этот-то кусочек и надо выбросить!» «Почему? Вы же соглашались!» «Нет, вы знаете, есть такое мнение! Нет, вы знаете! Нет, вы знаете! Они!» «Кто они?» «Они не пропустят!» «Кто они?» — кричу — «Покажите мне их. Я им докажу, что этот кусочек хороший, безобидный». Но уж, конечно, никогда, ни разу мне не удавалось узнать, кто же это «они». И никогда меня к ним не допускали. Но это и были вот эти полицейские, последний этап. «Они».

А когда начнешь искать, кто же эти «они», то получается, что вот Иван боится Петра, Петр боится Семена, Семен боится Емельяна, и все выше, все выше, и все это сходится, как в пирамиде, в конечном счете в Брежнев, вероятно, или я не знаю, в ком.

Это очень странная система, когда все всех боится, и в конечном счете не знаешь, кто кого боится. Кажется, все боится некоей абстракции, и вся машина работает на эту абстракцию. И вся беда именно в этой системе, и во всем строе, этом странном, совершенно еще не понятом и не разобранном, по-моему. Потому что там теряться. Да, что-то происходит, какой-то процесс. А для кого, для чего, это никто не знает. Но все это делают.

И вещь убита. У меня выходили четыре крупных работы. И это были четыре крупнейших черных дня в моей жизни. Я не испытывал ни малейшего счастья и радости, когда они выходили. Я читал, и у меня в глазах темнело. Всегда это было так страшно.

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 116

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

Рассеянный рыжий дымок ее отвевшихся волос парил перед самым лицом Льва Леонидовича.

— Ну и что ж? — пожал плечами Лев Леонидович. — Это не говорит о хорошем лейкоцитозе. Просто у него воспалительный процесс, и надо будет поводить рентгенотерапию.

Тогда она заговорила еще и еще (и, право же, плечиком просто прилегая к руке Льва Леонидовича!): Бумага, начатая Львом Леонидовичем, лежала втуне, перепрокинулось в пальцах бездействующее перо.

Очевидно, Олегу нужно было выйти. Так на самом интересном месте прервался разговор, давно затеянный.

Анжелина обернулась, удивляясь, зачем еще Костоглотов тут, но повыше ее головы посмотрел и Лев Леонидович — немножко с юмором. Что-то неназванное было в его лице, отчего Костоглотов решил продолжить :

— А еще, Лев Леонидович, я хотел бы спросить: слышали вы о березовом грибе, о чаге?

— Да, — подтвердил тот довольно охотно.

— А как вы к нему относитесь?

— Трудно сказать. Допустимо, что некоторые частные виды опухолей чувствительны к нему. Желудочные, например. В Москве сейчас с ним с ума сходят. Говорят, в радиусе двести километров весь гриб выбрали, в лесу не найдешь.

Анжелина отклонилась от стола, взяла свою бумажку, и с выражением презрения, все так же независимо (и очень приятно) покачиваясь на ходу, ушла. Ушла, но, увы, — и первый разговор их уже был расстроен: сколько-то на вопрос было отвечено, а вернуться обсуждать, что же вносят женщины в жизнь, было неуместно.

Однако этот легко-веселый взгляд, промелькнувший у Льва Леонидовича, эта очень негражданская манера держаться, открывали Костоглотову возможность задать и третий приготовленный вопрос, тоже не совсем пустячный.

(Продолжение следует)

Теперь вы можете покупать "Нашу Страну" в четырех местах Буэнос Айреса:

1. Книжный магазин Владимира Лашкевича — Santa Fe 4977, Capital;
2. Книжный магазин Николая Лашкевича — Calle 25 de Mayo 277, Temperley;
3. Киоск при Кафедральном Соборе — Núñez 3541, Capital;
4. Газетный киоск на углу Leandro N. Alem y San Martín (на углу того же квартала, где до 1-го октября с. г. находился магазин братьев Лашкевичей).

ОКЛЕВЕТАНИЕ АМЕРИКИ

Одной из распространенных форм борьбы, которая ведется в СССР против «идеологической диверсии империализма», является беззастенчивое оклеветание образа жизни и социального строя стран свободного мира, их внутренней и особенно внешней политики. Этот прием используется не только соответствующей советской исторической или пропагандно-партийной литературой, советскими обозревателями, но и советскими писателями, посещающими те или иные страны. Воспользовался этим приемом и белорусский писатель Кастусь Киреенко. В составе делегации БССР в 1969 г. он принял участие в работе XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, после чего написал большой очерк «Три месяца в Америке» («Полымя», №№ 6 и 7, 1970 г.).

Задавшись целью устрашить советского читателя ужасами жизни и общественных отношений в США, в этом своем очерке К. Киреенко не щадит красок для описания всепильной власти доллара, разбоя, гангстерства, морального падения, бесправия, нищеты, расовой ненависти и т. д., которые представлены как единственная характеристика американского образа жизни. Достается также «бездарным» президентам США и особенно «зверинному» американскому империализму, стремящемуся «проглотить» весь мир. В своем описании «бесчеловечности» американского образа жизни К. Киреенко часто впадает в противоречия. Например, он пишет о по-

• СОЛЖЕНИЦЫН ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Александр Солженицын не может печататься в СССР, но он может (пока) писать — и пишет. Он закончил роман «Архипелаг Гулаг» и работает над другим романом, более половины которого уже написано. На этот раз, из-под пера писателя выйдет исторический роман под названием «Август». Солженицын надеется закончить роман к концу этого года.

Действие романа происходит на Балканах в годы Первой мировой войны. Там, под началом генерала Нечволодова, воевал отец Солженицына — офицер императорской армии. Два с половиной года назад Александр Солженицын посетил поля сражений, в которых участвовал его отец.

Друзья Солженицына сообщили одному западному корреспонденту, что в этом новом романе писатель «чувствует русский народ». В той или иной форме Солженицын это уже делал и раньше, что дало повод некоторым обозревателям определить политическую позицию Нобелевского лауреата, как некое «новое народничество».

Английский литератор Николас Бетел побывавший в начале этого года в Москве, но так и не увидевший Солженицына, написал в «Нью-Йорк Таймсе», что в его новом романе «не будет ничего, против чего могла бы возразить советская цензура. Интересно будет посмотреть как отнесутся к нему московские издательства».

Еще интереснее для нас — русских монархистов — будет посмотреть, в каком свете представит Солженицын в этом романе дореволюционную, императорскую Россию.

литических протестах и уличных демонстрациях, о борьбе мнений в печати и так далее. Но в то же время Киреенко утверждает, что в США вовсе отсутствует какая-либо свобода и что здесь, как нигде в мире, все каналы информации подвержены строжайшей цензуре правительства и монополий.

Впрочем, сам автор не скрывает клеветнического характера данного очерка. К. Киреенко исходит при этом из необходимости борьбы против идеологической диверсии империализма и утверждает, что в этой борьбе следует руководствоваться любовью к родине, чув-

ством национального патриотизма и коммунистической принципиальностью. Играть на чувствах патриотизма и любви к родине, он адресует этот очерк своим «младшим товарищам». Последних он призывает не верить «демагогии», идущей из заграницы или от «либералов» типа Солженицына, Кузнецова и Аллилуевой (в характеристике Киреенко они выступают как «предатели», «человечененавистники», какие-то недоразвитые и жалкие существа), так как СССР, по его словам, является «самой свободной страной в мире», а советский народ — «самым свободным народом в мире». ●

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ

Нам пишут из Лос Анжелос:

По почину Блока Монархического Единства в Лос Анжелос, входящего в состав Общероссийского Монархического Фронта, 32-я годовщина восприятия наследственных прав Великим Князем Владимиром Кирилловичем будет ознаменована патриотическим собранием.

Ему будет предшествовать молебен о спасении России и восстановлении престола Российских Царей, отслуженный архиепископом Лос-Анжелосским Антоном.

Представителем Общероссийского Монархического Фронта и председателем Блока Монархического Единства в Лос Анжелос состоит инж. К. А. Мергер.

ПРОТИВНИКИ АВТОКЕФАЛИИ

Нам пишут из Вашингтона:

Группа прихожан Св. Николаевского собора бывшей северо-американской митрополии в Вашингтоне заявила протест против ее превращения в автокефальную американскую Церковь и высказалась за сохранение независимого существования митрополии.

Группа обратилась к епископам, клиру и мирянам бывшей митрополии с призывом поддержать ее требование.

ПРОТ. К. ФОТИЕВ

Нам пишут из Нью Йорка:

Состоявшийся здесь Собор Епископов автокефальной Православной Церкви в Америке неожиданно отстранил от должности секретаря митрополита Иринея, протоиерея Кирилла Фотиева, недавно награжденного протоиерейским саном за активное участие в заключительной стадии переговоров митрополии с москов-

ской патриархией об автокефалии, и назначил его настоятелем небольшого прихода в Канаде.

Одновременно уволен на покой один из участников переговоров от их начала до конца, правитель дел бывшей митрополии, протоиерей Иосиф Пиштей.

Эти перемены в центральном управлении бывшей митрополии накануне предстоящего 14-го Всеамериканского Собора с участием представителей ее клира и мирян, которому предстоит утвердить или отвергнуть соглашение с Москвой об автокефалии, вызвали в Нью Йорке большое удивление и разные толки. Они объясняются, по видимому, возникшей в новой автокефальной Церкви внутренней борьбой входящих в ее состав групп, но вряд ли отразятся на постановлении Собора, который, по видимому, выскажется в пользу автокефалии.

АРХИЕПИСКОП НИКОН

Нам пишут из Нью Йорка: Во исполнение постановления Архиепископского Синода Русской Православной Церкви за границей, заместитель пред-

КОРРЕСПОНДЕНТ БЫЛ ПРАВ

К столетию со дня рождения величайшего гонителя веры всех времен, возгласители американской митрополии преподнесли его наследникам роскошный подарок — «автокефалию».

В течение долгих лет, они подготавливали этот подарок в секретных переговорах. Но для нескольких сведущих и внимательных людей, подарок этот не мог оказаться неожиданностью. Стоило только следить за словами и делами митрополитных деятелей, чтоб заметить, что они скользят влево.

Об этом скольжении «Наша Страна» свидетельствовала не раз. Так, например, семь лет назад ее нью-йоркский корреспондент писал следующее:

«Православная Русь» обратила внимание своих читателей на то, что в выходящем в Париже «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», то есть в органе кругов, связанных с патриархией, напечатаны статьи двух известных православных богословов, принадлежащих к русской православной митрополии в Северной Америке — протоиерея Георгия Флоровского и протоиерея Иоанна Мейендорфа. Из них первый состоит профессором одного из американских университетов, а второй — профессором Св. Владимирской духовной академии в Ионкерсе под Нью Йорком. (Ныне является деканом этой академии. О. Б.). «Православная Русь» называет появление этих статей в «Вестнике» сенсационным, но высказывает предположение, что они, быть может, написаны без ведома и согласия авторов. Это предположение кажется, однако, мало убедительным. Повидному, оба ученых богослова стали на путь установления связи с московской патриархией» («Наша Страна», от 1.1.64).

Увы, нью-йоркский корреспондент был прав. Протоиерей Иоанн Мейендорф оказался одним из активнейших участников сговора митрополии с патриархией. О. Б.

седателя Синода архиепископ Никон находится в настоящее время в Австралии. Его пребывание там связано с нестроениями, возникшими в Австралийско-Новозеландской епархии зарубежной Церкви. Он вернется в Нью Йорк не позже 3-го ноября.

Одновременно с архиепископом Никон в Австралию вылетел прот. Борис Крицкий, сопровождающий чудотворную икону Курской Божией Матери.

«КНИГА — ПОЧТОЙ»

(Цены указаны в американских долларах)

Н. СОКОЛОВ. Убийство Царской Семьи	8.00
В. РУДНЕВ (Следователь Чрезвычайной Комиссии). Правда о Царской Семье и «темных силах». Н. ТАЛЬБЕРГ. Кара Божья. Берлин. 1920 г.	1.50
Кн. М. К. ГОРЧАКОВ. Возбудители раскола. Париж. 1927 г.	1.25
И. СОЛОНЕВИЧ. Две силы. Роман в 2-х больших томах.	10.00
Н. Е. МАРКОВ. Отреченные дни Февр. революции. Харбин. 1927 г.	1.50
А. АМАЛЬРИК. Просуществовал ли СССР до 1984 года.	2.50
«ПРАВДА И ЛОЖЬ ОБ ОТРЕЧЕНИИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II». Сборник статей. (Ответ на лживую брошюру участника военного переворота полк. Б. Н. Сергиевского «Отречение») ...	0.90
И МНОГО ДРУГИХ РЕДКИХ КНИГ.	

До получения ответа, что книги имеются — чеки не посылать.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ.

ПРИ ЗАКАЗЕ ССЫЛАТЬСЯ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ В «НАШЕЙ СТРАНЕ».

Заказы и деньги посылать по адресу:

M. TAMARZEFF — CASILLA DE CORREO 4 — VILLA BALLESTER
PROV. BUENOS AIRES — ARGENTINA

НАША СТРАНА

Орган монархической мысли.

Издатель - Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Со - Редактор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Постоянные сотрудники:

И. Андрушкевич, Олег Бартев, В. Ф. Вальдемарс, С. Л. Войцеховский, Б. К. Ганусовский, А. Горбунов, Людмила Келер, Николай Кременев, А. Ламберг, А. Макриди, Алексей Ростов, Б. Ряснянский, М. М. Спасовский, Ю. Слэзкин, Е. Г. Фест.

Ц Е Н Ы :

Цена номера газеты, посылаемой НЕ воздушным путем:

Аргентина — 0.60 сентавос;
Уругвай — 25 уругв. песо;
Германия — 0.75 марок;
Франция — 1.40 франков;
США — 0.35 долл.

Цена номера газеты, посылаемой воздушным путем:

Германия — 1.20 марок;
Франция — 1.40 фр.;
Бразилия — 0.70 сентавос;
Австралия — 0.30 австр. дол.;
США — 0.40 дол.;
Африка — 0.40 ам. дол.;
Италия — 200 лир.

В Чили годовая подписка — 120 эск.

Почтовые переводы, чеки и Money Order просьба посылать в адрес Редакции:

Tatiana Kirew de Dubrowsky
Monroe 4219, Dep. 10, Bs. Aires (30)
Argentina
Телефон: 52-7426.

З У Б Н О Й В Р А Ч

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasonico.

Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Pto 22, Capital
T. E. 88 - 3605

З У Б Н О Й В Р А Ч

Doctora

A. V. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ
Endodoncia — лечение корней зубов,
технические работы, рентгеновские
снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.

T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Angel Gallardo по улице Corrientes

ТИРАЖ «НАШЕЙ СТРАНЫ» ДОЛЖЕН
НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕМ
Н О В Ы Х П О Д П И С Ч И К О В !

Доктор

ДИМИТРИЙ ПОЛЯКОВ

по внутренним болезням.

Прием по вторникам, четвергам и

субботам от 17.30 до 20 часов.

Pueyrredón 443 Villa Ballester

О Р Т О П Е Д И Ч Е С К И Й М А Г А З И Н

ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — Т. Е. 44 - 3213